ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк пятидесятый

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

ПРОКОФЬЕВЫ-СЕВЕРСКИЕ: СЕМЬЯ АВИАТОРОВ

Александр Николаевич Прокофьев-Северский (1894 – 1974)

Старший сын артиста и певца Николая Георгиевича Прокофьева-Северского и Веры Васильевны Прокофьевой-Северской, артистки. Родился в Тифлисе.

Смолоду выбрал профессию военного моряка и поступил в Морской кадетский корпус. Окончив его в декабре 1914 года, юнкер Александр начал службу во 2-м Флотском экипаже. Вскоре Александр совершил своё первое плавание на канонерской лодке «Бобр» и получил звание мичмана.

Корабль в боевых действиях пока не участвовал и Александр добился разрешения учиться на авиационных курсах при Технологическом институте в Петрограде.

Решение получить профессию авиатора было для Александра не случайным. Отец его, Николай Прокофьев-Северский, в 1911 году начал обучаться полётам на аэроплане на Гатчинском военном аэродроме. А среди знакомых самого Александра с 1912 года был будущий знаменитый русский и американский авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский (1889 – 1972). Именно с Сикорским Александр совершил свой первый в жизни полёт на аэроплане. Александр так описал свои впечатления от полёта:

«Я был изумлён, когда впервые поднялся в воздух в качестве пассажира, и это изумление продолжалось всё время моего полёта. Это было захватывающее приключение, и я хотел, чтобы оно никогда не кончалось».

И вот теперь он сам начал летать на Гатчинском военном аэродроме, где уже поднимались в воздух его отец, Николай Прокофьев-Северский, и брат, Георгий Прокофьев-Северский.

Одним из первых учителей Александра как раз и стал брат Георгий, инструктор Гатчинской авиационной школы.

Вскоре Георгий отбыл в действующую армию, а Александр продолжил обучение в авиашколе.

Александр Северский на «Фармане-4» во время обучения в Гатчинской школе. Весна 1915 г.

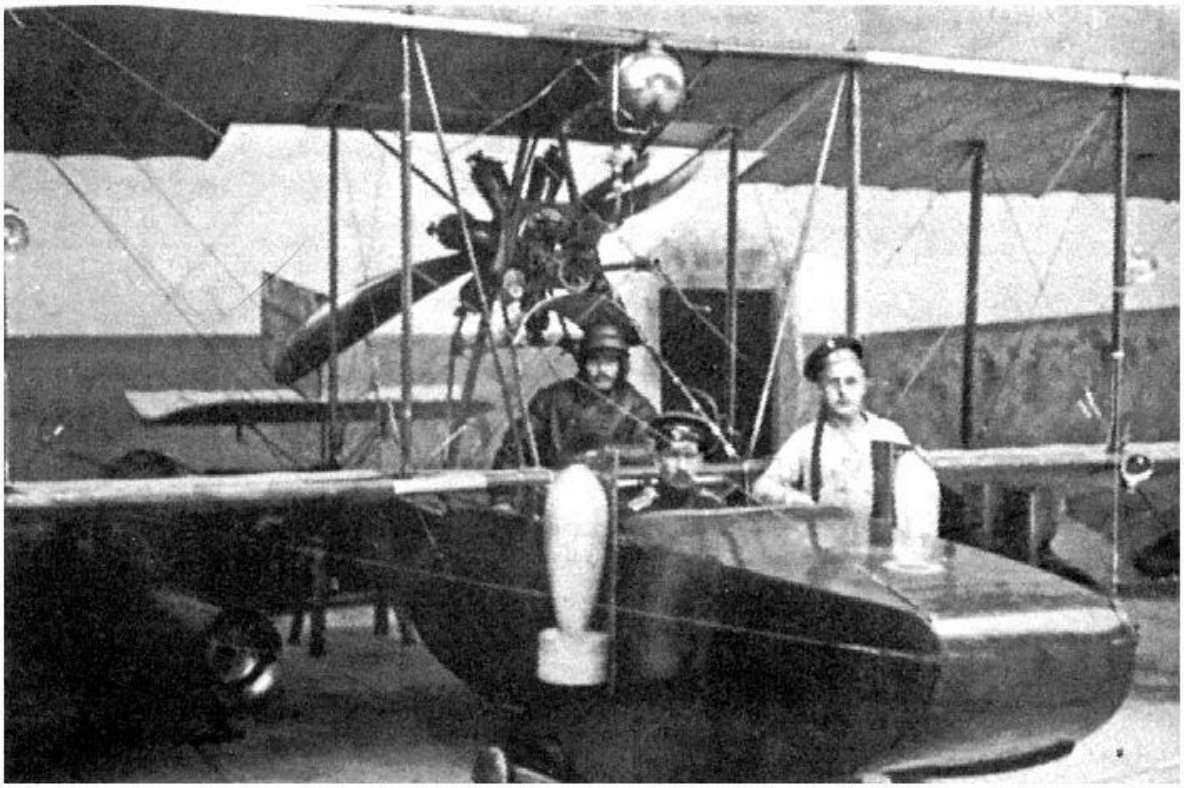
Быстро освоив полёты на «Фармане», Александр добился перевода в Севастопольскую (Качинскую) авиашколу. Где начал летать на более совершенном «Вуазене».

Но долго служить в Севастополе Александру не довелось. В мае 1915 года его отчислили из авиашколы за неисполнение приказа.

Поскольку Александр был формально военным моряком, его вернули на Балтику, где в это время уже служил его брат Георгий.

В июне 1915 года Александр сдал экзамен на звание морского лётчика, получив диплом за номером 337.

Местом новой службы Александра стала Вторая станция гидросамолётов на острове Эзель. На французском двухместном гидросамолёте «FBA» Александр совершал полёты с целью разведки и бомбардировки позиций противника.



Французская «летающая лодка» «ФБА» постройки российского завода Щетинина. На таком типе гидросамолета с бортовым номером Ф.Б.-7 летал в 1915 г. мичман Александр Прокофьев-Северский

Во время одного из полётов над Рижским заливом, 15 июля, Александр и его лётчик-наблюдатель Блинов успешно сбросили две бомбы на германский эсминец. Желая ещё раз атаковать корабль, Александр начал вновь заходить для бомбометания. Неожиданно самолёт получил повреждение, заставившее лётчика совершить посадку на воду. В момент удара плохо управляемого аппарата о волны сдетонировала авиабомба, находящаяся на коленях Блинова.

К счастью, поблизости находились несколько русских патрульных катеров, которые подобрали из воды труп Блинова и израненного Александра.

Уже в Кронштадтском морском госпитале врачи обнаружили, что у него раздроблена правая стопа.

Раненого срочно отправили в госпиталь Петрограда. Врачи, осмотрев его, решили, во избежание гангрены, ампутировать Александру ногу чуть ниже колена.

Уже потом, когда Александр проходил курс послеоперационного лечения, в палату к нему положили его брата, лётчика Георгия, который получил перелом обеих ног во время авиакатастрофы.

Николай Северский навещает своего сына Александра в госпитале в Петербурге. 1915 г.

Раненых братьев в госпитале навещали их отец и сёстры. Одна из сестёр подарила Александру «на счастье» плюшевую обезьянку по имени Яша. Обезьянка стала для лётчика талисманом. На снимке выше: Яшка – слева, сидит на спинке кровати.

О том, как складывалась дальше судьба Александра и Яшки, А.И. Куприн написал рассказ, в котором переплелись реальные события и авторский вымысел:

Александр Куприн

Сашка и Яшка
Про прошлое

I

Ника - известная непоседа. Ника - егоза и стрекоза. Ника скачет, как коза брынская. Всё ей надо знать, во всё сунуть свой розовый нос, особенно

куда не надо. В одну минуту она задаёт двадцать пять вопросов и сама их разрешает с непостижимой быстротой.

Нике нет ещё и десяти лет, а она уже дважды летала на аэроплане и потому на подруг смотрит с высоты шестисот метров.

- И даже совсем, ни капельки не страшно, - говорит она, - а только ужасно приятно. Точно катишься на бесшумном автомобиле по асфальту. А внизу всё: дома, лошади, паровозы, деревья - как игрушки для самых маленьких детей.

Ника из семьи военных лётчиков Прокофьевых. Её отец - известный инструктор; его специальность - тяжёлые боевые аппараты. С огромного «Фармана» N 30 он сбрасывал бомбы на немцев.

Брат Жоржик знаменит на всех аэродромах как виртуоз по высшему фигурному пилотажу: ему нет равного в изяществе и законченности петель, скольжений и штопоров. Все системы летательных машин он попробовал на личном опыте.

Другой брат, Александр (Ника его зовёт просто и непочтительно - Сашкой), - военно-морской лётчик. Он перегнал отца по службе и, в шутку, подтягивает его. За ним числится несколько сбитых германских машин. Он старший лейтенант, рукоятка его кортика украшена георгиевским темляком, а за последние подвиги при обороне Эзеля он непременно получит и Георгиевский офицерский крест.

Ника по праву гордится своими тремя авиаторами. Даже плюшевая, потёртая Никина обезьянка Яшка совершила множество полётов в самой боевой обстановке, укреплённая на гаргроте Сашкиного аэроплана.

Ника щурит блестящие голубые глаза, встряхивает по-мальчишески головой и отбрасывает рукой лезущие на нос короткие волосы.

- Вот вы мне вчера про собак, про гусей и про кошек... Хотите, я вам расскажу про Сашку и про Яшку. Только уговор: если что-нибудь ошибусь, не сердиться.

- Пожалуйста, Ника, пожалуйста.

Рассказ её прекрасен. Он жив, ярок, меток и весь в движении. Но, к сожалению, его мог бы запечатлеть только граммофон, приставленный приёмником к самому рту Ники, хотя и этот способ мне кажется неудобным, потому что Ника во время рассказа вертится во все стороны. От торопливости у неё вскакивают на губах и лопаются пузыри. Она выпускает одновременно множество слов, которые несутся из её рта стремительно и без всякого порядка, так что порою кажется, будто шестнадцатое по счёту слово доходит до вас раньше четвёртого.

Если её поправить в какой-нибудь технической ошибке, она - ничего, не обижается. Она охотно распишется в незнании, примет на бегу поправку и уже быстро скользит дальше, как на коньках.

По этой причине я предлагаю ее рассказ в изложении, проверенном и подкреплённом сторонними справками, давая самой Нике место лишь в известных, необходимых случаях.

II

В середине осени отряд Эзельских боевых гидропланов получил телефонное сообщение о том, что в бухте Лео замечены три германские подводки. Известие это пришло к раннему вечеру, когда уже начинало слегка темнеть. В этот момент находился в полной готовности один только аппарат, именно мичмана Прокофьева, Никиного Сашки, и потому мичман, не теряя ни секунды на праздные размышления, лишние слова, взобрался на своё место в гидроплане, посадил рядом с собою отважного механика Блинова с двумя

полупудовыми бомбами и, быстро поднявшись кверху, полетел в хорошо знакомом направлении.

Они безошибочно и очень скоро долетели до бухты Лео, обшарили её самым тщательным образом, но никакого следа субмарин не оказалось. Пришлось попусту возвращаться назад, к великому неудовольствию Блинова, у которого бомба чесалась в руках.

Гидроплан приблизился к своей стоянке. Уже открылся Церельский маяк. Огонь сигнального костра, нарочно разведённого на берегу, увеличивался с каждой секундой. Около него стали заметны маленькие, черные копошащиеся фигуры людей.

Мичман Прокофьев управлял аппаратом одною рукою, а другую выставил за борт гондолы и нажимал пальцем кнопку электрического фонаря, давая знать о своём возвращении. С необычайной ловкостью удалось ему, остро снизив гидроплан, спуститься на воду. Блинов даже заметил, что «так хорошо, пожалуй, и днём не сядем». И вдруг случилась катастрофа. Одна из бомб взорвалась.

Судить о причине этого взрыва можно только предположительно. Вероятнее всего следующее: ещё не достигнув бухты Лео, Блинов, охваченный нетерпением, начал вывинчивать в одной из бомб предохранитель и, вывинтив, держал эту бомбу в руках, готовый бросить её по первому знаку, между тем как другая бомба лежала между его ступнями на дне гондолы. Когда, после напрасных поисков, гидроплан возвращался домой, механик вспомнил о предохранителе и стал его водворять на прежнее место, зажав бомбу коленями. Бомба имела грушевидную форму. Очевидно, она как-нибудь скользнула и упала на другую бомбу. Замечательно, что эта вторая бомба не взорвалась от детонации. Гидроплан был весь исковеркан. Блинова разорвало буквально на куски. Мичман спасся каким-то чудом.

III

Прокофьев рассказывал потом, что в этот момент он не слышал взрыва и не видел пламенного столба. Он только почувствовал, что какая-то дьявольская сила выхватила его из сиденья, взметнула на воздухе и швырнула в море. Ему удалось выбраться на поверхность с большим трудом. Долго мичман не мог отдышаться и всё отплёвывал горькую воду, наполнившую ему рот, горло и нос. Инстинктивно он ухватился за какой-то плававший обломок разрушенного крыла...

Он вынырнул спиною к костру и не сразу сообразил это. Всего лишь за пять минут назад перед его глазами горели знакомые огни, всё приближаясь и вырастая, - теперь же ничего не было, кроме черного, зловещего, вздыбленного моря, плеска мрачных волн и полного одиночества. И он крикнул к тёмному беззвёздному небу:

- Господи! Как ужасно!

Потом он несколько раз взывал в пустое безбрежное пространство:

- Помогите! Помогите!

Но силы покидали его, голос хрипнул и слабел. Он не мог себе представить, что произошло с аппаратом. Не наскочили ли они на камень? И куда девался Блинов? И где же, наконец, огни маяка и костра?

Потом его поразило то, что он совсем не чувствует правой ногой свою левую ногу, как ни старается к ней прикоснуться. Но вскоре он случайно нащупал её рукою. Она всплыла вся изуродованная, переломанная и болталась почти на поверхности, вслед за движением тела, колеблемого волнами. И в ту секунду он услышал торопливое пыхтение подходящего катера. Это был миг

яркого сознания и глубокой радости. Вслед за ним наступил упадок и сонное оцепенение.

Прокофьев почти не сознавал, что с ним было дальше: как его вытаскивали из воды в катер, как довезли до берега, как делали первую перевязку и как везли восемьдесят верст до Аренсбурга в автомобиле, доверху набитом сеном.

Смутно он помнил, что где-то какой-то врач, при свете лампы, обстригал ему ножницами обнаженные, торчавшие наружу из разорванного мяса косточки отрезанных на ноге пальцев и спрашивал: «Не больно ли?» А он отвечал, стиснув зубы: «Нет, не больно, но кончайте, кончайте скорее...».

Из Аренсбурга его отправили на пароходе в Ревель, а оттуда дали знать по телеграфу отцу, в Петербург.

- Папа сидел на диване, а мама сидела тут же рядом, - рассказывает Ника. - Вдруг принесли телеграмму. Папа распечатал, прочитал и схватился за затылок. Протянул её маме: «Вот, прочти. Нога сломана в двух местах. Оторвана ступня... Надо ехать в Ревель».

Они поехали втроём.

Из игрушек Нике позволили взять с собою только одну, самую любимую, с которой ей расстаться было уж никак невозможно: обезьянку, мохнатую, плюшевую, с премилой выразительной мордочкой.

- Может быть, она немного развлечет Сашу, - сказала Ника, укутывая обезьянку одеяльцем.

IV

Мичману Прокофьеву было, пожалуй, не до развлечений. Длинный и неудобный путь, большая потеря крови, мучительные перевязки, бессонница - всё это истомило и обессилило его.

- Был он такой худой, худой и бледный, бледный, как мертвец, - тонким жалобным голоском говорит Ника, - а губы были белые-пребелые.

Глядя на него, отец не мог удержать слез. Заплакал и сам мичман, прошептав еле слышно:

- Неужели мне больше не летать?..

Подумать только: он жалел не о своей молодой, полной всяческих прелестей и великих надежд, прекрасной жизни, не о грозившем ему ужасе непоправимого калечества. Нет, точно каменная плита, угнетала его одна лишь мысль о том, что судьба отняла у него невыразимую словами радость смелых взлётов вверх, сквозь облака, в чистую лазурь, к сияющему солнцу, когда победный рокот мотора сливается с гордым биением сердца.

Да, в этих слезах вылилась настоящая свободная душа человека-птицы!

Но, как ни странно, плюшевая обезьянка Яшка в самом деле развлекла Прокофьева и вызвала на его бледные губы улыбку, когда он, усадив её к себе на грудь, погладил нежную шерстку и уморительную мордочку. В нём, разбитом, обескровленном, хранился скрытый глубоко внутри большой запас крепкой, цепкой, неистощимой энергии жизни.

- Когда мы собрались уходить, Сашка пристал ко мне: «Оставь, пожалуйста, Никишка, обезьянку у меня ночевать. Ну, что тебе стоит?» Мне, конечно, было жалко, но он так просил, что я не могла отказать и оставила. А на другой день опять выпросил. А потом ещё и ещё. Такой попрошайка. Говорит: «Если бы ты знала, Ника, какой Яшка милый. По ночам мне не спится, всё болит, а он сидит со мною рядышком и утешает меня, уговаривает потерпеть. Оставь мне его ещё на денек".

Так Яшка к нему и совсем привык, и остался у него навсегда, и домой не хотел после ехать. Ходил с Сашкой на перевязки и даже на операции.

Мичману отняли ногу немного пониже колена. Доктор не ручался за исход операции - больной был чересчур слаб. Но стойкая, живучая натура вынесла. После операции, сделанной в Кронштадте, Прокофьева перевезли в Петербург, в лазарет адмирала Григоровича, где он стал с каждым днём быстро и заметно поправляться.

Там, совсем для него неожиданно, в палату к нему привезли и положили приятного соседа - родного брата Жоржика. Так же, как и месяц назад, получил отец лётчика телеграмму с гатчинского аэродрома:

«Подпоручик Георгий Прокофьев упал; перелом обеих ног».

И теперь уже пришлось отцу, матери и Нике ехать зараз к двум больным.

- Жоржик был скучный, всё нянчил свою закутанную ногу, - говорит Ника. - А Сашка ничего - точно это и не ему ногу отрезали. Смеялся и пел под гитару весёлые стишки. Свои собственные, на мотив «Маргариты».

А Прокофьев о ноге не тужит,
С деревяшкой родине послужит...

А между кроватями, очень важно, сидел на стуле Яшка. Преважный. Меня он и не узнал даже. У него тоже одна нога была забинтована. Так, за компанию с Сашкой и Жоржиком.

V

Мичману Прокофьеву сделали искусственную ногу. В долгие дни, пока он к ней приучался, все его мысли и разговоры (а вероятно, и сны и молитвы) были сплошь полны тревожным вопросом: сможет ли он послужить родине с деревяшкой или не сможет? Оказалось, смог.

Надо только представить себе его буйную радость, когда ранним свежим июньским утром он отделился от земли и свободно поплыл ввысь, и аэроплан, как и прежде, с чуткой готовностью был послушен тонким движениям его пальцев, а рыже-бурый Яшка, прикреплённый к гаргроту на носу лодки, надменно глядел в небо, растопырив руки и ноги и вызывающе завернув голову вбок и назад. «Знай наших!»

С той поры Никин Сашка и храбрая обезьяна Яшка стали неразлучны. Надо сказать, что у большинства летунов есть свои талисманы, фетиши и амулеты. Французские авиаторы, например, носят на цепочке серебряные или золотые жетончики с изображением пророка Елисея. Другие хранят у себя на груди ладанку, в которую зашит псалом девяностый «Живый в помощи вышняго».

У капитана Казакова, сбившего шестнадцать немецких аппаратов, всегда был укреплён на носу гондолы образ Николая-чудотворца. Иные не расстаются в полётах с фетишами, вроде плюшевых мишек, мопсов и слонов.

Мичман Прокофьев вдвойне дорожил Яшкой: и как амулетом и как памятью о козе-егозе-стрекозе, о быстроногой, востроглазой, розовоносой Нике. Он, как и все летающие воины, бросал бомбы, производил разведки, вступал в воздушный бой с немецкими аэропланами, и Яшка на своём месте взирал в лицо смерти с наглым, вызывающим высокомерием.

Так-то они вдвоём раз и приняли участие в воздушном бое, который длился около двух часов. Один из четырёх сбитых вражеских аэропланов был снижен Прокофьевым вместе с лейтенантом Дитериксом и остался спорным. Но слава победы над другим досталась ему целиком. После долгих воздушных хитростей Прокофьев зашёл в хвост мощному немецкому «Альбатросу» и, приблизившись к нему на жутко близкое расстояние, стал буквально поливать его из пулемёта.

Мичман ясно видел (и никогда этого зрелища потом не забыл), как германский лётчик судорожно возился над своим пулемётом, но пулемёт, что называется, «заело», и он ничем не мог заставить его вновь работать. Мотор немца начал заикаться перебоями, аппарат накренился и стал снижаться. Вспыхнул огонь. Прокофьев видел, как немец сначала с отчаянием схватился за голову, а потом повернул к русскому лётчику искаженное яростью, багровое лицо, бешено затряс над головою огромными кулаками и выкрикнул, страшно выкатив глаза, злобное ругательство. И вместе с пылающим аэропланом полетел, кувыркаясь, вниз, с высоты двух тысяч метров, и упал в море.

VI

Вернувшись на стоянку, Никин Сашка, легко раненный в руку, пересчитал пробоины в своём аппарате. Их оказалось, шрапнельных и пулемётных, около тридцати. На его счастье, ни одна пуля и ни один осколок не угодили в более жизненные места летающей лодки.

Прокофьев за этот бой получил чин лейтенанта и золотое оружие. А Ника говорит с гордостью:

- Мой Сашка и мой Яшка, оба получили по Георгию. У Сашки белый крест на кортике, а у Яшки георгиевская медаль на груди. Так и в приказе было напечатано.

- Полно, Ника. Неужели в приказе?

- Ну, я не знаю наверное. Но, во всяком случае, оба имеют по Георгию. Впрочем, поглядите сами...

Она лезет в самую свою сокровенную шкатулочку и достаёт оттуда раскрашенную фотографию. Действительно, с карточки смотрит открытое, худощавое лицо двадцатидвухлетнего лейтенанта Прокофьева, у которого рука в косынке. И тут же развалился плюшевый, потрёпанный боями, немного удивлённый, но не потерявший высокомерия, растаращенный Яшка. У него рука забинтована, а на груди в самом деле красуется огромная картонная золочёная медаль на полосатой ленточке.

- Правда твоя, Ника, правда. Прости. Когда у Сашки нога была в повязке, была и у Яшки нога забинтована. А также и руки. И когда Сашку поливали пулемётным огнем, поливали и Яшку. И если у Сашки теперь золотое оружие, как же и Яшке не щеголять с черно- оранжевой ленточкой?

Вот Никин рассказ и окончен. Остаётся прибавить, что одноногий лейтенант Прокофьев успел сбить ещё два германских аэроплана в Моонзундском наступлении. Он был свидетелем того, как немцы бомбардировали Церельские укрепления четырнадцатидюймовыми снарядами. Когда от своего начальства он получил приказание улететь с отрядом истребителей в Ревель, то церельские артиллеристы взмолились:

- Останьтесь, пожалуйста, лейтенант. Он без вас совсем нас заклюёт.

Прокофьев ответил:

- Я прежде всего солдат и слепо повинуюсь приказанию. Снеситесь по радио.

Они снеслись и получили такой ответ:

«Лейтенант может остаться, но это зависит только от его желания».

Он остался, и оставался до тех пор, пока ангары и жилые двухэтажные постройки на аэродроме не превратились в жалкие кучи мусора под действием чудовищных немецких семидесятипудовых снарядов. Тогда лишь он приказал своему отряду сняться и лететь в Ревель, а сам улетел последним, попав в перекрестный огонь, в котором был контужен.

Германцы хорошо его знали. Их пленники летчики с почтением произносили его имя и называли имена аппаратов, которые он снизил.

Конечно, они слыхали и о Яшке. Да, впрочем, у каждого из них был свой фетиш.

Всё это я вспомнил, рассматривая на днях давнишние фотографии. Десять-двенадцать лет прошло от того времени, а кажется - сто или двести. Кажется, никогда этого и не было: ни славной армии, ни чудесных солдат, ни офицеров-героев, ни милой, беспечной, уютной, доброй русской жизни... Был сон... Листки старого альбома дрожат в моей руке, когда я их переворачиваю...

1917

Потеряв ногу и обзаведшись деревянным протезом, Александр Прокофьев-Северский не стал унывать, а, с присущим ему запалом, начал делать всё, чтобы вести полноценную жизнь. Он не только научился ловко ходить, но вскоре начал танцевать, заниматься бадминтоном, плавать. Всё это позволило ему отстаивать своё право на службу в авиации. И не просто службу, а службу лётчиком! И Александр своего добился!

Вначале его назначили старшим инспектором морской авиации Петроградского военного округа. А вскоре, 16 мая 1916 года, во время инспекторского воздушного смотра, Александр самовольно поднял в воздух аэроплан, совершив на нём несколько рискованных виражей. И хотя за свою провинность Александр был наказан домашним арестом, но история эта дошла до Императора, который в конце концов порекомендовал Военному министру вернуть лётчика в действующую авиацию.

Таким образом Александр Прокофьев-Северский стал одним из первых в мире одноногих лётчиков.

Александр Прокофьев-Северский на острове Эзель, лето 1917 г.

Прибыв 1 июля 1916 года к месту своей прежней службы на острове Эзель, Александр через три дня уже одержал свою первую победу, сбив германский гидросамолёт над Рижским заливом. Вскоре Александр за героизм, проявленный в воздушных боях, был награждён Георгиевским оружием.

Всего на счету Александра к концу Великой войны было 3 достоверные победы и 13 – с вероятно сбитыми.

Несмотря на напряжённую боевую жизнь, Александр находил время для улучшения конструкции своего самолёта: усовершенствовал его балансирный руль и балансирные элероны. В конце декабря 1916 года Александр установил и лично проверил на деле лыжное шасси на новую летающую лодку Дмитрия Григоровича «М-11».

В феврале 1917 года Александра назначили командиром 2-го морского истребительного авиаотряда «Ж». Но приступить к новой службе ему не довелось: накануне отъезда Александр катался на мотоцикле и столкнулся с извозчичьей пролеткой. Перелом левой ноги. Ну не везло братьям Прокофьевым-Северским с ногами!

В мае 1917 года выздоровевшего Александра направили в Москву, где он в качестве технического консультанта обучал молодых пилотов технике

ведения воздушного боя, а также испытывал новые модели самолётов для Балтийского флота.

В июле 1917 года Александр вновь оказался на Эзеле. Вплоть до октября он и его товарищи оставались на острове, прикрывая отступающие русские войска.

Северский в конце концов добрался до своих, преодолев (с протезом!) более 30 верст с пулемётом, снятым с самолёта, в руках. А там его ожидало известие о награждении орденом св. Георгия 4 степени и чином капитана 2-го ранга. К этому времени Александр имел ордена св. Анны 2 – 4 степеней, св. Станислава 2 – 3 степеней, св. Владимира 4-й степени и Золотое Георгиевское оружие.

Временное правительство назначило Александра помощником военно-морского атташе в Вашингтоне. При оформлении заграничного паспорта произошла забавная история. Поскольку двойная фамилия не умещалась в соответствующую строку паспорта, надо было выбрать одну из них. Александр выбрал фамилию «Северский». Паспорт оформлялся на французском языке и, чтобы подчеркнуть дворянское происхождение Александра, перед фамилией была вставлена приставка «де». А во Франции она означала, что такой человек является владельцем замка.

Накануне отъезда Северского к власти пришли большевики. Но они не только не отменили нового назначения, но даже выдали Александру подтверждающий мандат.

Через Сибирь Александр отправился в Америку. В дороге поезд был остановлен революционными матросами, которые решили перестрелять пассажиров, как представителей «эксплуататорского класса». К счастью, один из матросов узнал знаменитого лётчика и защитил его от расправы. Выяснилось, что в годы войны Северский спас корабль, на котором служил этот моряк, от атак вражеского бомбардировщика.

Александр де Северский (третий слева) в Вашингтоне. Третий справа – Виктор Утгоф. 1918 г.

В Америке Северский, помимо выполнения служебных обязанностей, стал целенаправленно заниматься изобретательством. Он также испытывал новые самолёты.

Вскоре, проявив недюжинную предприимчивость, Александр выгодно, за 50 тысяч долларов (большие по тем временам деньги), продал американскому

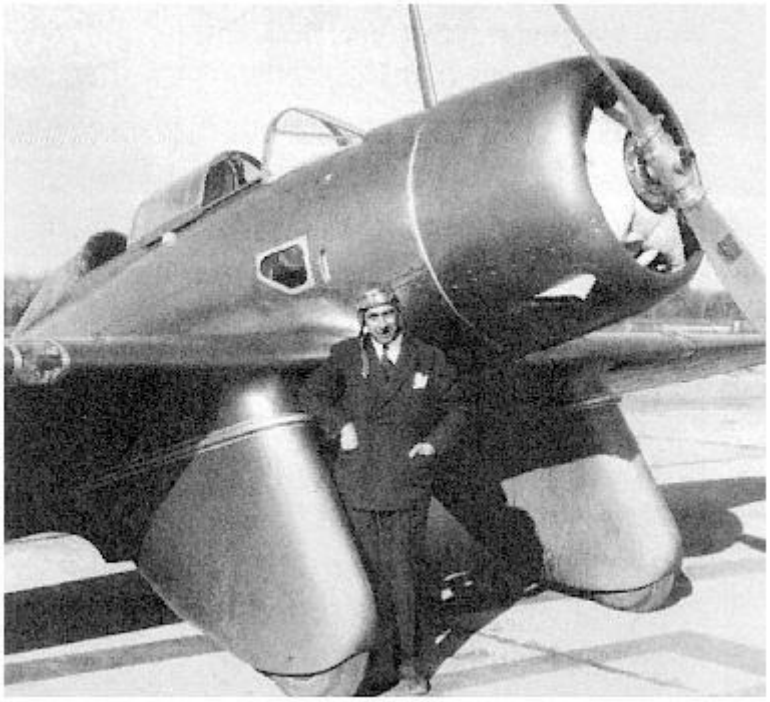
правительству патент на свой, ранее сконструированный, бомбардировочный прицел для самолётов.

На эти деньги Александр в 1922 году создал собственную компанию – «Северски Аэрокорпорейшн».

В 1927 году Северский получил гражданство США, а затем – звание майора американской армии.

В это же время Александр женился на Эвелин Оллифант, представительнице одного из самых знатных семейств Нового Орлеана. Северские поселились в Нью-Йорке.

Через некоторое время Эвелин тайком от мужа научилась летать на аэропланах. Вскоре она стала одной из лучших американских лётчиц, установила несколько женских авиационных рекордов.



Александр де Северский; середина 30-х гг. XX века

Фирма «Северски Аэрокорпорейшн» была преобразована в «Северски Аэркрафт Корпорэйтед», а должность главного конструктора занял в ней русский эмигрант Александр Картвели.

Множество новых типов самолётов было разработано в ней, в т. ч. и при личном участии Александра Северского.

Дважды, в 1939 и 1947 годах, вклад Александра Северского в развитие американской авиапромышленности был отмечен призом Хармана «За заслуги в области авиации».

Позднее, отойдя от бизнеса, Александр стал выступать в качестве эксперта по авиационным вопросам. Ещё 6 июля 1939 года Северский предсказал, что в сентябре в Европе начнётся война. Большинство военных специалистов-аналитиков ему не поверило. Но война началась именно в сентябре…

Когда нацисты напали на СССР, Александр Северский выступил с заявлением, в котором сказал, что, хотя большевистский режим преступен, но главная задача Америки в нынешних условиях – помогать России:

«Никогда не покорится народ, давший миру Ивана Павлова и Дмитрия Менделеева, Льва Толстого и Фёдора Достоевского».

В 1942 году полумиллионным тиражом вышла книга Северского «Воздушная мощь – путь к победе». Книга сразу же стала одним из фундаментальных трудов по стратегии войны в воздухе. В 1943 году книга была экранизирована студией Уолта Диснея. Позднее Северский издал ещё две свои книги.

А необыкновенные приключения, которыми так богата была жизнь Александра Северского, продолжались. 9 мая 1945 года ему довелось вместе с генералами Спааком и Ванденбергом присутствовать на первом допросе Геринга, бывшего командующего Люфтваффе. Геринг вначале разговаривал

только с двумя генералами. Но, когда присутствующий на допросе неизвестный ему майор стал вдруг задавать весьма профессиональные вопросы, Геринг снисходительно спросил: кто это такой? Когда Северский представился, Геринг оживился и спросил: не тот ли это Северский, имя которого было ему памятно ещё по Первой Мировой войне. Услышав подтверждение, Геринг, прославленный ас той войны, высказал сожаление, что встреча двух столь знаменитых лётчиков проходит ныне в такой печальной обстановке.

В 1950-х годах Северский всё еще продолжал летать! На его счету было более 13 тысяч часов, проведённых в воздухе!

В США и ряде других стран Северский был очень популярен, часто выступал с лекциями, давал консультации, был членом 17 научных и общественных организаций: Академии наук, Общества американских военных инженеров, Американского Легиона, Ассоциации пилотов-спортсменов, Клуба искателей приключений и др., имел степень почётного доктора наук.

В конце жизни он увлёкся проблемами экологии.

В 1967 году его жена Эвелин скончалась после тяжёлой болезни. Александр пережил её на 7 лет.

Уникальная семья

Семья лётчиков Прокофьевых-Северских – уникальное явление в истории не только русской, но и мировой, авиации.

Конечно, в мире были семьи, где авиаторами становились отец и сыновья; или несколько братьев одной семьи. Но мне не известно ни одной такой семьи, где каждый из её членов-лётчиков был бы по-своему уникален, проявил себя не только в авиации, но и в искусстве или другой области человеческой деятельности.

Николай Георгиевич Прокофьев-Северский:

Будучи известным и успешным в России артистом и певцом, неожиданно для всех стал лётчиком. После завершения лётной карьеры вновь вернулся к театру и пению.

Георгий Николаевич Прокофьев-Северский:

Подобно отцу, был исполнителем песен и романсов. Герой Великой войны. Записал несколько граммофонных пластинок во Франции и США. В концертные турне иногда летал на собственном самолёте, управляя им.

Александр Николаевич Прокофьев-Северский:

Лётчик-истребитель. Герой Великой войны. Один из первых в мире одноногих лётчиков. Успешный предприниматель. Изобретатель в области самолётостроения и авиаконструирования. Теоретик войны в воздухе. Более чем за 40 лет полётов пилотировал многие типы летательных аппаратов, начиная с эфемерных «этажерок» 1910-х, кончая вполне современными по своим полётным характеристикам цельнометаллическими самолётами 1950-х годов. Провёл в воздухе более 13 тысяч часов!

***

Путёвку в небо Прокофьевы-Северские получили на Гатчинском военном аэродроме!

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ